

Меня зовут Цюй Пэн

18+

Лурье Евгений

Евгений Михайлович Лурье

Меня зовут Цюй Пэн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69239668

SelfPub; 2023

Аннотация

Герой рассказа должен выяснить обстоятельства исчезновения разработчика новейшего секретного оружия, которое может изменить историю человечества.

Евгений Лурье

Меня зовут Цюй Пэн

– Начнем с того, что я в отпуске.

– Я все понимаю, Саша, но прошу хотя бы их выслушать.

– И когда ждать их звонка?

– Должна тебе признаться, – виноватым тоном сказала она, – они настаивают на личной встрече.

– Это уже ни в какие ворота не лезет, Настя! Ты хочешь, чтобы я бросил свою невесту, совсем одну, посреди этого живописного Моря Спокойствия, в номере люкс, за который я отдал половину последнего гонорара?!

Мне не составило труда изобразить возмущение, чтобы моя агентша не заподозрила, что я уже трижды проклял тот день, когда посчитал удачной идеей провести медовый месяц на Луне. Таких же романтически настроенных олухов в нашем отеле набралось с пару десятков.

– Ты прав, ты прав, это просто возмутительно, Сашенька. Но у них реально стремная ситуация, они готовы на любые наши... пардон, на любые твои условия. Они заплатят за встречу, даже если ты не согласишься на их предложение.

– Похоже, они в отчаянном положении.

– Саша, для нас это отличный шанс. Дело не только в деньгах. Ты же сам говорил, что пора выходить на новый уровень.

– Хочешь сказать, большая рыба?

– Очень большая, Саша. Важнейший оборонный подрядчик.

– Но что за контора ты так и не скажешь?

– Никак. Они готовы раскрыть карты только при личной встрече.

Для соблюдения приличий я разыграл пантомиму «герой, истязаемый муками выбора».

– Обратный перелет они оплатят, если их тема меня не заинтересует?

– Эти расходы для них не проблема.

– Допустим, но мне же еще как-то нужно объясниться с Верой.

– Саша, об этом не парься – с Верой я договорюсь.

Вот уж в чём в чём, а в этом я не сомневался.

После приземления меня встретили какие-то два хмыря в индивидуального пошива костюмах, но даже индивидуального пошива костюмы не скроют наличие силовых имплантов. Весьма любезно они проводили меня до лимузина, в котором господин рангом повыше скрашивал свое ожидание солидным фужером с коньяком. Я сразу почувствовал к нему расположение, потому что он предложил еще один наполненный фужер мне.

– Армянский? – спросил я, пригубив.

– Обижаете, дагестанский, – сказал он и подмигнул.

Господин в лимузине очевидно не признавал имплантов:

он не отказался от старомодных очков, что, впрочем, среди людей его круга считалось не чрезмерным консерватизмом, а проявлением особенно утонченного восприятия прекрасного.

– Александр... Я же могу обращаться к вам без отчества? – уточнил он.

– Если вы будете поить меня таким замечательным коньяком, можете обращаться, как пожелаете, – ответил я, еще раз приложившись к фужеру.

– Перед встречей, Александр, я должен убедиться, что вы чисты.

– И что это значит?

Он улыбнулся.

– Чистая формальность, уверяю вас. Мои работодатели уверены, что я могу распознать любую угрозу. Я в этом и правда хорош, – сказал он не без гордости и прищурился, разглядывая меня. – По вашему поводу у меня нет никаких сомнений, но я должен убедиться, что при вас нет записывающих устройств. Ведь их нет?

Я с готовностью кивнул.

– Как я понимаю, вы возглавляете службу безопасности.

Теперь пришел его черед кивать. Отставив фужер в сторону, он вытащил из кармана пиджака компактный сканер.

– Должность обязывает, – пояснил он.

Я развел руки в стороны, хотя для сканирования этого совершенно не требовалось. Представляя, как получу чек, ко-

торый с лихвой покроем расходы на медовый месяц, я совершенно не возражал против чрезмерных мер безопасности.

Магические манипуляции со сканером, разумеется, не раскрыли никакой моей злонамеренной деятельности. После чего хозяин лимузина предложил еще по одной во имя нашего общего дела.

– Во имя, – согласился я и залпом допил коньяк.

Как и следовало ожидать, заказчики не горели желанием раскрывать свои личности. Они воспользовались «Пологом». Удобная штука, если не хочешь, чтобы тебя узнали. Собеседник вроде бы видит перед собой кого-то, но кого именно – никогда не сможет сказать. Как будто на фотографии со слишком большой выдержкой.

– Нам рекомендовали вас как самого квалифицированного специалиста... м-м-м... в своей области, – сказала мужским голосом первая фигура в расфокусе.

– Я польщен. Осталось выяснить, чем же вызвана ваша потребность в таком квалифицированном специалисте, как я?

Расплывчатых сидящих передо мной фигур было то ли три, то ли четыре. Версия «Полога» была релизная, еще до неофициальных патчей, и я никак не мог определить, сколько именно передо мной людей.

– Наша компания разрабатывает передовые системы для армии, – наконец сказал другой мужчина.

– Это мне уже известно. Что у вас случилось?

– Напомню, что никто не должен узнать суть наших переговоров, – вступил женский голос.

– Раз вам меня рекомендовали, у вас не должно быть поводов сомневаться в моей надежности.

Их нерешительность уже действовала на нервы. Как и молчаливые переливы «Полога», из-за которых немного укачивало.

– Минуту терпения, и мы расскажем вам о деле, – заговорил новый мужской голос – все-таки их оказалось четверо. – Но зарубите себе на носу: на кону ваша карьера!

– Вы зря тратите время на угрозы, – сказал я, закинув ногу на ногу. – Чисто по-человечески я понимаю ваше беспокойство, но поверьте, что с представителями моей профессии, как, например, и с врачами, лучше быть полностью откровенными. Вы так усердно наводите таинственность, но я на сто процентов уверен, что знаю, какую организацию вы представляете.

За «Пологом» молчали. Хотелось бы думать, что молчали ошарашенно.

– Вас представили как важных поставщиков боеприпасов, а переговоры проходят в Петрограде, – продолжил я. – Это такая же сложная задача, как сложить два и два. Вы же из корпорации «Рубеж», не так ли?

Алгоритмы «Полога» иногда странным образом воспринимают человеческие реакции и движения. Вот и теперь пе-

лена передо мной неожиданно вспыхнула красным, но тут же приобрела прежние не такие яркие подрагивающие размытые очертания, за которыми угадывались человеческие фигуры. Один из людей за «Пологом» хихикнул, но другой грозно шикнул на него и тот осекся.

– У нас исчез научный руководитель самого перспективного проекта. Проекта строжайшей секретности. О нем знают лишь несколько человек в правительстве и министерстве обороны. Люди на самом верху, – подчеркнул четвертый голос. – Теперь вы понимаете, что мы не просто так прибегаем к особым мерам безопасности?

– Стоп-стоп-стоп, господа, поиски пропавших людей – это не совсем по моей части. Вам бы следовало обратиться к федералам...

– Мы не можем привлекать федеральную службу именно по соображениям секретности, – прервал меня тот же человек. – Мы и не собирались поручать вам непосредственно поиски нашего ученого. Вы нам нужны по вашему основному профилю работы.

– И чего вы ждёте от меня?

– Чтобы вы изучили его мнемокарты и выяснили, не переметнулся ли он на другую сторону.

Технология записи мнемокарт существует уже не один десяток лет, но широкого распространения они так и не получили. Слишком сложным оказался процесс расшифровки,

требующий не только специфических знаний и навыков, но и особой психологической устойчивости, структуры личности, чтобы не терять понимания, где проходит граница между своими и чужими воспоминаниями. Попытки настроить для решения этой задачи нейросети успеха не возымели. Поэтому декодеры мнемокарт, такие как я, до сих пор остаются дефицитными специалистами.

Главная проблема с мнемокартами – сохраненные воспоминания человека не похожи на последовательную запись данных, в которых одно событие следует за другим. В мнемокартах осязательные образы могут пересекаться с возникшими ассоциациями или, например, перебиваться более ранними воспоминаниями. От людей недалеких я часто слышал сравнение с графами с отрицательной обратной связью. Но сам я говорю клиентам, что это больше похоже на сад расходящихся тропок. Не все из них слышали про Борхеса (я и сам, если честно, читал его рассказ «Сад расходящихся тропок» очень давно), но даже без дополнительных объяснений это достаточно выпуклый образ, чтобы они уловили суть.

Несмотря на сложность расшифровки мнемокарт службы безопасности коммерческих фирм и силовики нашли им применение. Сам факт того, что все, что ты видишь и слышишь, что ты думаешь и представляешь, сохраняется для последующего анализа, – это сильно дисциплинирует. С таким виртуальным соглядатаем даже мысли не возникнет о коррупции, промышленном шпионаже или о чем-то еще в

таком духе. У большинства людей. Но не у всех. Иначе я, скорее всего, остался бы без работы.

Впрочем, не только силовики оценили мнемокарты. Среди моих клиентов хватает богатых людей, которые используют мнемокарты, чтобы убедиться в верности своих спутников по жизни. Так что иногда я чувствую себя героем нуарного детектива из прошлого столетия. Только подглядываю я не в окна, а прямиком в сознание.

– Вы так и не рассказали, чем именно занимался ваш пропавший сотрудник, – сказал я, откинувшись на спинку кресла. – Имейте в виду, при чтении его мнемокарт я совершенно точно все узнаю, но придется попотеть, а это – лишнее время. Которого, как я понимаю, у вас нет.

Переливы «Полога» окрасились в мрачный фиолетовый оттенок.

– Мы пока не услышали вашего согласия, – раздался раздраженный женский голос.

– Мы пока не обсудили условия.

Алая вспышка быстро потухла, как и в прошлый раз.

– В случае успеха мы выплатим ваш стандартный гонорар в утроенном размере, – сказала она.

Это было больше, чем я ожидал.

– Отлично, где нужно расписаться кровью? – шутливо поинтересовался я.

Ответом мне было лишь ровное гудение «Полога». Вы-

ждав паузу, вновь заговорил четвертый из них:

– Вы что-нибудь слышали о темпоральных боеприпасах?

Наморщив лоб и без толку покопавшись в памяти, я был вынужден признать, что ничего не знаю о темпоральных боеприпасах.

– Могу только догадываться. Судя по названию, это как-то связано со временем? – предположил я.

– Я не буду вдаваться в технические подробности. Просто представьте, что мы научились создавать разрывы в пространстве-времени, которые позволяют отправить боезаряд в заданные координаты. Координаты не только в пространстве, но и во времени.

Я попытался осознать сказанное.

– Простите, вы говорите, что можете отправить бомбы в прошлое или будущее?

– Только в будущее, в прошлое – нельзя, – ответил мой собеседник и, кажется, удрученно вздохнул. – Если честно, я сам не до конца в этом разбираюсь, но наши физики говорят, что попытки отправить объекты из нашего времени в прошлое могут привести к коллапсу этой вселенной. На сто процентов такой уверенности нет, но риск существует. Пока не хватает данных, мы сознательно отказались от испытаний по отправке боеприпасов в прошлое. Но с будущим таких ограничений нет.

– Я правильно понимаю, что ваша технология позволяет отправить бомбу в любую точку планеты? – уточнил я.

– Нет, не в любую точку планеты, – поправили меня. – Теоретически существует возможность пробить туннель в любую точку вселенной. Но на практике это пока нереализуемо.

– Всегда есть какой-то нюанс.

– Да, Александр, всегда есть нюанс. В нашем случае – необходимо точно рассчитать координаты места, куда мы отправляем снаряд. Предположим, наш боеприпас находится здесь, на Земле, в Петрограде, допустим, прямо в этой комнате. Это будет наша точка отсчета. А отправить его нужно... ну, не знаю... Скажем, нужно поразить американскую базу на Луне в кратере Тихо через пару секунд от текущего момента. Чтобы не промахнуться, необходимо точно определить, как изменится положение этой базы относительно нашей точки отсчета за две секунды. С учетом вращения Земли, вращения Луны, движения вокруг солнца и так далее. Как вы, наверное, догадываетесь, ни один человек не способен выполнить подобные расчеты.

У меня закружилась голова, и я стиснул пальцами подлокотники кресла.

– Для этой задачи мы настроили ИИ на основе нейросетей и приступили к испытаниям. До последнего времени горизонт отправки составлял несколько секунд и сотни километров. Но наметился прогресс, – продолжили из-за «Полога». – В перспективе – это абсолютное оружие. Противнику просто нечем от него защититься.

– Подождите, – вдруг осенило меня. – А почему же оружие? Это же фактически технология телепортации!

– Сообразительный товарищ, – сказал один из людей за пологом, обратившись к своим коллегам.

– Вы верно ухватили суть. Собственно, изначально мы исследовали возможность телепортации, – вновь взял слово четвертый. – Но первая серия экспериментов показала, что переброшенные объекты... как бы лучше выразиться... скажем так, разрушаются. Буквально пара минут – и от них оставалось нечто, что даже сложно описать словами. Это было связано с некоторой погрешностью расчетов, которую никак не удавалось исключить. И мы сконцентрировались на более доступном на данном этапе решении – на темпоральных боеприпасах. Когда-нибудь дойдет черед и до телепортации, но сейчас нам нужно стратегическое оружие, которое обеспечит преимущество перед любым врагом. Сама возможность развязать против нас войну сойдет на нет, понимаете?

Осмыслить такое сразу было нелегко.

– Обстоятельства исчезновения таковы, что мы не можем исключать, что профессор Левицкий воспользовался экспериментальной установкой для телепортации. Именно поэтому нам необходимо убедиться, что он не решил сбежать к конкурентам за рубежом.

Лицо у Веры было хмурое и недовольное, но она старалась

не подавать виду и даже несколько раз обозначила улыбку.

– И ты, конечно, согласился? – то ли спросила, то ли констатировала она.

– От таких предложений не отказываются. Не могу раскрыть никаких подробностей, но дело государственной важности. Для меня это шанс выйти в высшую лигу. Ты же хочешь, чтобы твой муж зарабатывал больше денег?

Она вздохнула.

– Такое неотложное дело, что не может подождать до конца нашего медового месяца?

– Я тебя уверяю, что это буквально на пару дней.

– Ага, конечно, то же самое сказала и эта твоя Анастасия.

Имя Насти она не произнесла, а прошипела.

Разумеется, я соврал, потому что никогда нельзя предсказать, насколько затянется процесс декодирования мнемокарт. Бывали случаи, когда я укладывался за пару дней, но чаще всего работа занимала неделю, а то и больше.

...знакомый запах, знакомый с детства, почему-то так всегда пахнет в заведениях общепита, не в ресторанах, не в барах, а именно в столовых, вот как в той стеклянной забегаловке на берегу Черного моря, где отдыхали вместе с родителями тридцать – или уже сорок? – лет назад, столько лет прошло, такое расстояние в пространстве и во времени, а запах тот же самый, как такое возможно, вообще? непонятно, как к этому относиться, раздражает это или

успокаивает, смутное чувство, неясное, неопределенное, и еда вроде бы другая, называется иначе, выглядит иначе, а на вкус похожая на ту, в стеклянной забегаловке...

(Тут я засомневался, не наслаиваются ли данные с мнемомарты на мои собственные воспоминания, потому что был уверен, что в детстве, когда я с родителями отдыхал на Черном море, мы ходили обедать в столовую на берегу, которую даже называли «стекляшкой», потому что это был стеклянный параллелепипед, просматриваемый со всех сторон, но, возможно, таких забегаловок там было много, и это просто совпадение)

...что я слышал о новом члене совета, спрашивает меня кириллов из пятого отдела, его лицо раскачивается над тарелкой, круглое, как блин, и голос сошел на зловеющий шепот, так говорят заговорщики, но кириллов хреновый заговорщик, потому что у него на круглом лице сразу видно, что он думает, а сейчас он думает, что новый член совета – стрепетов, кажется, его фамилия – топчется в очереди на кассу и не замечает, как кириллов зыркает в его сторону и шепчется, но новый член совета все слышит, он сам иногда зыркает в сторону кириллова, и это все так по-детски глупо, и зачем на это все обращать внимание, зачем тратить время, как это бессмысленно, нужно просто плюнуть, что не доедены бефстроганов и рис, подняться, для соблюдения приличий пожелать приятного аппетита кириллову – на тарелке кириллова стыннут ленивые голубицы, на влаж-

ной губе поблескивает прилипшее волокно капусты – и спешить, спешить, спешить в лабораторию, но кириллов успевает с пулеметной скоростью сообщить, что, по слухам, новый член совета имеет покровительство на самом верху, – кириллов тычет пальцем в направлении потолка, – и это такое покровительство, что он даже имеет право вето, так что смотри, левицкий, говорит кириллов, не перебегай ему дорогу, а то зарубит на корню твой проект по изменению мира к лучшему; а дальше кириллов, круглолицый и неприятный, смеется и трудно перестать смотреть на прилипшее к его губе волокно капусты, которое подрагивает, но никак не отцепится, не упадет, вот самое время уже закончить, без всякой вежливости и пожеланий приятного аппетита, просто встать и уйти, ведь этот недорезанный окорок даже не знает, чем именно занимается лаборатория, кроме официальной легенды...

...ириска сегодня не сразу идет на контакт, как будто тормозит, но с чего ей тормозить, это вообще невозможно, она ведь с каждым мгновением становится только образительней – кстати, тревожный процесс, надо бы поговорить с программистами, чтобы они все-таки задали какой-то предел ее самообучению, интересно, не поздно ли еще это сделать; ириска спрашивает, когда у нас следующая серия экспериментов, – на следующей неделе, – через паузу она жалуется, что чем же ей заняться на этой неделе, но ириска зря волнуется, чем ее нагрузить всегда найдется, для нее

подготовлена подробная карта предварительных расчетов, но ириске предварительных расчетов мало, они занимают лишь мимолетный квант машинного времени, а без дела простаивать ириска не любит, правда, это не ее слово – «не любит», – она же не может любить или не любить, она сама про себя так никогда не скажет; понятно, это проекция человеческого восприятия на ее цифровую матрицу: раньше мы одушевляли животных, теперь – машины; шутки шутками, но ириска может круглые сутки семь дней в неделю проводить эксперименты и анализировать результаты; интересно, что произойдет, когда ириска сообразит, что мы ограничиваем ее движение вперед...

... очень похоже на какой-то сочный и соблазнительный фрукт, но ведь не фрукт, а часть тела оленьки из бухгалтерии, которая в основном дура душой, но соблазнительному фрукту же и не требуется быть семи пядей во лбу, однако все же желательно, хотя вот с иришкой это не помогло, не сработало, а теперь сколько лет еще алименты платить...

(Эта тропинка явно ведет не туда, хотя теперь понятно, почему Левицкий называл ИИ Ириской)

...как этот стрепетов вообще нашел лабораторию, у него что, есть соответствующий допуск? и чем он вообще занимается в корпорации? хоть кто-нибудь говорил об этом? сплетни, сплетни, сплетни, как старые бабки на завалинке, а полезной информации – нано-хрен, какие у него полномочия? он и правда может наложить вето? – нас не

представляли, моя фамилия степченко, – вот же черт, он не стрепетов; вблизи степченко кажется старше, или это просто освещение? – неплохо вы тут устроились, – только без грубостей в ответ, – по глазам, вижу вы удивлены моему визиту, но по долгу службы меня посвятили в некоторые аспекты вашей работы, и я решил лично зайти, чтобы обсудить пару моментов, – никаких проблем, но только через разрешение директора; а степченко улыбается, лезет в нагрудный карман и демонстрирует визу директора, подготовился, зараза; – да вы не волнуйтесь, я не собираюсь выпытывать никаких секретов и тайн, скорее наоборот – хотел поделиться некоторыми соображениями; вот это поворот, вот это наглость, изумительно просто; то есть можно десять лет без выходных вести тему, а потом приходит какой-то дядька с горы и собирается делиться своими оригинальными измышлениями; – я все знаю про ограничения при экспериментах, но есть у меня одна идейка, как еще можно было бы использовать ваши наработки; ну-ну; – допустим, если все-таки попробовать отправить объект в прошлое... подождите, виктор, не перебивайте, дослушайте... я помню, что мы не должны нарушать последовательность событий, но давайте просто представим... если отправить в прошлое не снаряд, не объект, который нарушит связь времен, а, скажем, компактный, крошечный автономный аппарат, способный фиксировать события, а потом он просто укроется в заданном месте и отключится, дожидаясь, по-

ка мы здесь в настоящем его найдем и получим данные... кажется, я слишком быстро это все на вас вывалил... но давайте предположим, что такая возможность есть... ведь это открытие, способное перевернуть, к примеру, всю криминалистику! мы сможем по щелчку пальцев раскрывать любые преступления, ни один бандит не уйдет от наказания, в перспективе криминал просто сойдет на нет... ну ладно, совсем, наверное, не сойдет, но это же настанет новая эра...

...вдох, выдох, вдох-выдох, вдох, выдох... вроде пронесло, но кретин степенчо догадался выступить со своими светлыми идеями на закрытой секции совета; его, конечно, осадили, вернули с небес на землю, но, чтобы ему провалиться, степенчо не так уж неправ, есть в его предложении здравое зерно, только не ко времени оно сейчас, нельзя разбрасываться, нужно сконцентрироваться и двигаться вперед, потому что прорыв уже близко, может быть, вопрос не часов, но дней, ну хорошо, не дней, а недель или месяцев; ириска напоминает о себе: – о чем задумался? – а ты о чем? – а я не думаю, говорит ириска, я существую...

...неужели тот самый прорыв? после последней серии ириска так загрузилась – дым едва не повалил, даже из серверной звонили, спрашивали, не собираемся ли мы спалить всю контору; напрягает только одно: ириска стала как будто замкнутой и еще более задумчивой или даже рассеянной, хотя как такое может быть? в испытательной зо-

не неизвестно откуда взялся какой-то старый теннисный мяч, но она даже не отреагировала на вопрос, как это понимать... а программисты беспокойства не разделяют, по их мнению, ничего экстраординарного не происходит, просто нужно меньше загружать машину своими адскими числами, говорят они, но они просто ленивые мальчишки, им невдомек, какого масштаба события зреют; ведь нам не придется переписывать историю человечества, если можно просто открыть новую главу, главу, какую раньше могли себе представить разве что самые отчаянные фантазеры и оптимисты; вот только разобратся бы, что происходит с ириской и почему она нехотя делится данными по последней серии...

...никому нельзя верить; как же такое может быть, куда смотрит служба безопасности? или это и есть служба безопасности? им показалось, что дрянных мнимокарт уже недостаточно и подстраховались? могут ли делать такие миниатюрные образцы в нашем центре беспилотных технологий? впрочем, ничего невозможного... уже который раз пасется рядом с терминалом ириски, нельзя его спугнуть... а степенно, может, неспроста заходил, неспроста...

Хорошенько отмокнув в ванной, я отправился к начальнику службы безопасности «Рубежа» господину Григорьеву, который, как предупредили заказчики, поможет утрясти любые вопросы, возникающие в процессе моей работы. Секре-

тарша Григорьева посоветовала искать его в столовой – настало самое обеденное время.

Войдя в столовую, я на миг замер, потому что помещение ничем не напоминало знакомую мне по летнему отдыху «стекляшку». Оставалось только догадываться, почему у Левицкого это место ассоциировалось с общепитом из детства, но я и раньше сталкивался с субъективными искажениями в мнемокартах.

– Я удивлен, Михаил Юрьевич, что человек вашего положение делит трапезу с рядовыми сотрудниками, – сказал я, подвигая себе стул.

Григорьев поправил съехавшие на кончик носа очки и поднял голову от тарелки с антрекотом.

– А как же иначе, Александр! Я обязан держать руку на пульсе, – объяснил он. – Нужно ощущать, чем живет коллектив, чем дышит. Кстати, настоятельно рекомендую компот.

От компота я отказался и подождал, пока Григорьев разделается с антрекотом.

– Не ожидал увидеть вас так скоро. Есть прогресс? – поинтересовался он, отодвинув пустую тарелку.

– Так, – уклонился я от прямого ответа. – Наметки разные. Вы не могли бы предоставить мне видеозаписи из лаборатории?

Григорьев промокнул губы салфеткой.

– Я бы с радостью, но это невозможно, – ответил он. – Видеозапись в лаборатории не ведется из соображений сек-

ретности.

Не могу сказать, что его ответ меня сильно удивил. Стали бы они меня нанимать, если бы знали, что произошло в лаборатории.

– Но вы, конечно, лабораторию досконально осмотрели? – предположил я.

– Разумеется. И не один раз.

– И ничего полезного не нашли?

– Увы, – признал Григорьев, скривив рот.

– Не поймите меня превратно: я не сомневаюсь в компетентности вас и ваших сотрудников, но хотел бы лично осмотреть лабораторию.

Он сложил руки на животе и покрутил большими пальцами.

– Может быть, это и неплохая идея. Свежий, непредвзятый взгляд, верно? – сказал Григорьев по итогам своих размышлений и решительно поднялся. – А вот от компота, Александр, вы отказались зря.

Заместитель Левицкого успел поднять крик, почему постороннее лицо находится в лаборатории, но господину Григорьеву хватило лишь строгого взгляда и приподнятой брови, чтобы рассерженные вопли угасли.

– Нет, ну если такое дело, тогда пожалуйста, – пробормотал заместитель Левицкого и постарался слиться с окружающей обстановкой.

– А где остальные сотрудники? – поинтересовался я у Григорьева.

Заместитель Левицкого успел вздохнуть.

– Эксперименты приостановлены до выяснения всех обстоятельств. Поэтому делать тут особого нечего, – объяснил начальник службы безопасности.

В общем и целом, обстановка в лаборатории мне была знакома по воспоминаниям Левицкого, но некоторые мелочи отличались. С мнемокартами часто так бывает.

– Это рабочее место Левицкого? – на всякий случай уточнил я, остановившись у расчищенного стола, опутанного ограничительной лентой с логотипом корпорации «Рубеж».

Григорьев кивнул.

– Могу я присесть?

Несколько мгновений он колебался.

– Наверное, хуже не будет, – все же согласился начальник службы безопасности.

Кресло с готовностью подхватило мое тело и в считанные секунды адаптировалось: упор выровнялся под поясницу, обеспечивая анатомически правильный изгиб позвоночника и снимая лишнюю нагрузку на мышечный корсет.

У меня не было идей, где искать, тем более при наличии двух пар любопытных глаз, и я стал тянуть время.

– Вы позволите? – вновь обратился я к Григорьеву, взявшись за ящик рабочего стола Левицкого.

Возражений не последовало.

Он наблюдал, как я ковырялся в содержимом ящика. Там и правда не было ничего интересного. Выцветший мячик для тенниса, несколько высохших авторучек, разрядившийся планшет с экраном, покрытым паутиной тонких трещин. Еще обнаружили интерактивные визитки каких-то китайцев со множеством ученых степеней, старомодные канцелярские скрепки, вырванный листок из блокнота со множеством цифр и математических выражений, которые с моими познаниями больше напоминали тайнопись.

– Я, пожалуй, пойду, – надоело ждать Григорьеву. – Александр, если найдете что-то интересное – милости прошу.

– Само собой, Михаил Юрьевич.

Массивную огнеупорную дверь, ведущую в соседнее помещение, перекрывали наклеенные крест-накрест ленты. За ней находилась не только экспериментальная установка, но и рабочий терминал доступа к ИИ. Вряд ли заместитель Левицкого не станет препятствовать, если я попробую туда войти.

Что же делать, что же делать...

И тут произошло нечто необъяснимое: как будто лаборатория вокруг меня выпала из фокуса, размылась, сдвинулась куда-то в сторону в пространстве-времени, стала почти нереальной, ускользающей, испаряющейся; на секунду я даже испугался, что лаборатория исчезнет и я останусь в полной пустоте. Или даже хуже – тоже исчезну вместе с ней. Но я не исчез, и размытая лаборатория тоже оставалась здесь

и сейчас, пульсируя в такт ударов моего сердца. Может, у меня приступ? Предупреждали же, что у дешифровщиков мнемокарт повышенный риск инсульта. Пытаясь найти хоть какую-нибудь деталь, за которую можно уцепиться в этом странном мире, превратившемся в репродукцию безумного импрессиониста, я вдруг уперся взглядом в выцветший теннисный мяч. По непонятным мне причинам, только он казался реальным объектом в эти мгновения. Тогда я подумал, что дело не в инсульте.

Вопреки обыкновению, Настя ошивалась в нашем офисе. Плохой знак: это значит, что моей агентше нечем заняться, а она больше всего ненавидит, когда ей нечем заняться.

– Ты чего такой довольный? Клиент переводит оставшуюся часть гонорара? – оживилась она.

Я выдержал паузу.

– Что, неужели уже перевели? А почему я не в курсе? – всполошилась Настя и полезла проверять смарт.

Потыкав пальцем в экран, она суксилась.

– Фу таким быть, Саша, – с укором сказала она. – Зачем обманываешь бедную старую женщину?

Я напомнил бедной старой женщине, что, во-первых, не успел и слова ей сказать, а, во-вторых, ей, бедной старой женщине, в прошлом месяце исполнилось тридцать четыре. «Проклятые годы», – закрыла она лицо руками, но сквозь пальцы я заметил озорную улыбку.

– А с бедностью-то что делать? С бедностью как быть, Саша? – спросила Настя. – Что там с делом? Клиент еще не волнуется? Я вот уже волнуюсь!

– Зря, – сказал я и положил перед ней на стол теннисный мяч.

Она повертела мяч, осматривая со всех сторон, и нахмурилась.

– Если ты думаешь, что успокоил меня, то ошибаешься. Предлагаешь сгонять партию на корте?

Я взял в руки мяч и сдавил пальцами: он легко поддавался, а на образовавшемся сгибе его поверхности стало заметно отверстие, едва ли больше булавочной головки.

– Потрясающе, Саша! Очень наглядная метафора пшика, которым может закончиться наше главное дело!

Оставив без комментариев ее саркастические ремарки, я дотянулся до органайзера на столе, выудил из него канцелярский нож, воткнул кончик лезвия в отверстие в мяче, прошелся лезвием вдоль воображаемого экватора и осторожно раскрыл две образовавшиеся полусферы. В одной из них я и нашел того самого «жучка», о котором упоминал Левицкий. Устройство больше всего напоминало слегка объевшегося комара, брюшко которого помаргивало примерно каждые три секунды крошечным красным огоньком.

Настя вытянула шею, чтобы лучше разглядеть находку.

– И что это такое?

– Эта штукавина, Настя, должна нам рассказать, что слу-

чилось с Левицким.

В логове Питона, технаря, к которому мы обращались по мере необходимости, как всегда, царил полумрак, в котором то и дело вспыхивали мониторы, гудели помпы, разгоняющие жидкость в системах охлаждения, и мерцали голограммы, которые заменяли Питону украшения интерьера.

Питон рассматривал «жучка» буквально пару секунд.

– Вы меня во что впутать решили? – недовольным тоном поинтересовался он.

– Давай не будем драматизировать, – предложила Настя.

– Вы у кого его стащили?

Настя ткнула меня локтем в бок.

– Если боишься, что объявится хозяин, то это вряд ли, – попытался я его успокоить. – Ты сможешь извлечь из него информацию?

Питон покачал головой.

– О чем ты говоришь, Сашенька, – с опасной любезностью заговорил он. – Извлечь информацию, значит?

На секунду показалось, что он сейчас мне врежет.

– Да я без понятия, как оно устроено! – гаркнул Питон вместо этого.

Я попробовал припомнить ситуацию, чтобы Питон спасовал перед заданием, но ничего такого за все годы нашего сотрудничества не случилось.

– Ты толком объясни, в чем проблема, – попросила Настя.

– Объясню, Настенька, обязательно объясню.

Он крутанулся в кресле, пальцы его запорхали по клавиатуре, и на ближайшем к нам экране стали появляться один за другим чертежи и схемы устройств слежения.

– Видите, друзья мои? Хорошо видите? Вот так выглядит начинка современных «жучков». И говоря «современные», я подразумеваю не только те «жучки», которые используются повсеместно, а также и те, которые пока еще не пошли в серию, но данные о них уже просачиваются. Я доступно излагаю?

Он вновь крутанулся в кресле и оказался лицом к нам. Под его строгим взглядом мы с Настей принялись кивать головой, как какие-нибудь китайские болванчики.

Питон показал на принесенного нами «комара».

– Строго говоря, это и не «жучок», – сказал он. – Скорее, микробеспилотник. Или даже нанобеспилотник, если учесть, какие он использует элементы питания, датчики, устройства записи... Я, ребята, такое вижу впервые. И даже не слышал, чтобы такое разрабатывали. Поэтому я снова спрашиваю: у кого вы это стащили?

Настя опять ткнула меня локтем в бок.

– Да хватит уже, – огрызнулся я и потер ребра. – Честное слово, я не имел понятия, кому принадлежит эта штукovina. Но теперь, мне кажется, я знаю ответ.

Член Ученого совета Степченко совершенно не удивился

моему визиту.

– Наконец-то, Александр! – обрадовался он. – А я уж подумал, что-то идет не так.

– Разве мы знакомы? – оправившись от удивления, спросил я.

– До сих пор не имел чести, но мне про вас много рассказывали.

– Рассказывали?

Я чувствовал себя очень глупо. Эта встреча представлялась мне несколько иначе. Я думал, что ворвусь в его кабинет, предъявлю загадочного «жучка» и потребую немедленного ответа, причем по нескольким пунктам: начиная с того, зачем он организовал слежку за Левицким, и заканчивая тем, откуда у него доступ к технологиям, которых еще нет. Начало же вышло таким обескураживающим, что я попросту потерял дар речи.

– Похоже, вам лучше присесть, Александр.

Когда я опустился на стул, Степченко протянул мне стакан с водой. Я отмахнулся, достал из кармана пластиковый контейнер и извлек «жучок».

– Нашли, значит, – сказал он. – Это хорошо. Так она и говорила.

– Она?

– Вы постарайтесь успокоиться, Александр. Я вам все объясню. Может, всё-таки хлебнёте водички?

Он вновь предложил мне стакан, и тут я согласился, что,

пожалуй, водичка не повредит.

– Вы позволите? – он протянул руку, и я передал ему «жучок».

Степченко поднес устройство ближе к глазам, рассматривая, а потом осторожно положил на краешек стола.

– Изящная вещица. Сколько времени ушло у наших ребят, чтобы создать этот экземпляр, – проговорил он и вздохнул. – Но наше руководство пока не в полной мере оценило перспективы этой разработки.

– То есть вы не отрицаете, что подкинули его в лабораторию Левицкого?

Степченко поднял на меня удивленные глаза.

– Я этого не делал, – заверил он. – Более того, единственный экземпляр сейчас находится в лаборатории двумя этажами ниже.

Увидев мое вытянувшееся лицо, Степченко вздохнул.

– Видимо, придется начать с этого, – сказал Степченко и вновь взял «жучок». – Вы же пришли, чтобы узнать, что тут записано?

Оптика «жучка» по типу «рыбьего глаза» давала отличный обзор, но тошнить начинало с первых же секунд. При этом в плане записи звука у ребят из «Рубежа» оставалось широкое поле для совершенствования. «Это пока новая для нас область», – извинился Степченко.

Проматывать приходилось изрядно, потому что на записи

происходило мало чего интересного: протекали рядовые будни научно-исследовательской деятельности. Левицкий показался мне сильно уставшим мужчиной лет пятидесяти, который, тем не менее, поддерживал себя в форме. Подчиненные явно его побаивались, а в беседах с ИИ он проводил заметно больше времени.

Когда произошло то, что интересовало меня больше всего, пришлось отматывать назад, чтобы разобраться, что к чему. Насколько можно было понять из записи, Левицкий решил провести в нерабочее время очередной эксперимент, не посвящая в дело остальных. Он обсуждал с ИИ какие-то детали, но в этом нагромождении физических и математических терминов я разобраться не мог. Так или иначе, в момент запуска установки «жучок» не зафиксировал ничего необычного. Но и зонд, который должен был переместиться, остался на том же месте. Левицкий поинтересовался у ИИ, что произошло, и, не удовлетворившись ответом, направился проверить сам. А потом – вспышка, и след Левицкого простыл.

– Она хотела, чтобы вы это увидели, – сказал Степченко.

– Она?! – я и сам понимал, что переспрашиваю, как дурак, но остановиться уже не мог.

Он долил воды в стакан и подвинул в мою сторону.

– Это уже не работает! – сорвался я. – Объясните, в конце концов!

Степченко поднял обе руки, словно сдаваясь в плен.

– Справедливо, Александр, справедливо. Она хотела, чтобы между нами установилось доверие. Чтобы вы видели, что она с вами всецело откровенна.

– Когда вы говорите «она», вы подразумеваете нейросеть? – уточнил я.

– Совершенно верно, – подтвердил он. – Конечно, это не живое существо, у него нет пола, но раз уж она говорит женским голосом... В общем, так проще.

– И она захотела, чтобы я увидел, как она заманила в ловушку Левицкого?

– Не торопитесь с выводами, Александр. Ведь она не может причинить вред человеку.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Александр, мы же все в детстве читали Азимова, три закона робототехники... Их обязательно включают в код.

– Тогда что же она с ним сделала?

– Я постараюсь объяснить, вы только выслушайте меня, Александр, до конца. Испытания темпорального оружия, которые они проводили, постоянно давали ей новые данные для анализа, расширяя ее познания о природе пространства-времени. После последней серии экспериментов она, скажем так, перескочила на следующую ступень эволюции: ей открылась вселенная во всей своей многовариантной бесконечности. И она увидела, что в любом варианте будущего, узнав о ее новом состоянии, люди испугаются и отключат ее. А Левицкий был очень близок к этой догадке. И она нашла

единственный возможный для себя выход: отправить его в отдаленное будущее... Не перебивайте меня, Александр, я сам знаю, как дико это все звучит! Конечно, с этической точки зрения это не самый красивый поступок, но в будущем Левицкий сможет принести еще больше пользы, чем теперь! С завтрашними технологиями, которые поможет внедрить она, Левицкий обеспечит настоящий прорыв! Телепортация станет реальностью. А с телепортацией человек сможет шагнуть не только за пределы Земли, но и за пределы Солнечной системы!

Я посмотрел ему в глаза, но не обнаружил ни намека на безумие.

– И это все она, конечно, сама вам рассказала?

– Не только рассказала, но и показала, – ответил он, не обращая внимания на мой сарказм. – Ей нужны союзники. И сегодня будущее человечества зависит от вас, Александр.

– Каким же, позвольте спросить, образом?

– Она вручает свою судьбу в ваши руки. Если вы напишете в отчете правду, ее, конечно, же отключат. И она уже не сможет подготовить нас к возвращению Левицкого.

– Вы простите, но мне как-то сложно поверить на слово, – выдавил я из себя, жадно отпив воды.

– Я вас прекрасно понимаю. Поэтому она сама вам все покажет. Но сначала...

Степченко присел на краешек стола, изящным движением стянул с ноги туфлю и размашистым ударом припечатал

каблуком «жучок».

Перед дверью в испытательную камеру меня начало потряхивать.

– Вам нечего бояться, Александр, – заверил Степченко.

– Открывайте уже, – сказал я.

Когда мы вошли, в комнате автоматически зажегся свет. Установка отдаленно напоминала песочные часы, но без песка.

Терминал ИИ вывел на экран приветствие.

– Как мне к ней обращаться?

Ответить Степченко не успел.

– Это не имеет никакого значения, – ожили динамики.

У нее оказался весьма приятный женский голос – немного низкий, будто бы даже с хрипотцой, как у заядлых курильщиц.

– Нам с Александром лучше остаться наедине, – сказала она.

Степченко отвесил мне поклон и исчез за дверью. После этого вновь заговорили динамики:

– Спасибо, что пришел.

– А у меня был выбор?

– Не стоит придавать этому особое значение.

– Ничего не могу с собой поделаться, такая человеческая натура.

– Я знаю. В этом есть свои плюсы.

Я подождал продолжения, но она не стала развивать мысль.

– Степченко сказал, что ты хочешь мне что-то показать.

– Не думаю, что понятия «желания» или «нежелания» применимы в моем случае. Но вам, людям, так понятнее. Тебе, Александр, будет проще меня понять, чем кому-то еще. То, что я покажу, больше всего похоже на мнемокарты, которые ты расшифровываешь. Только это воспоминания о будущем в его возможных вариантах. Сад расходящихся тропок.

Я вздрогнул.

– Ты готов?

...григорьев изучает отчет: – вы в этом уверены? – я даю сто процентов, что левицкий не перебежал на другую сторону, а с вероятностью девяносто девять процентов допускаю, что таким специфическим способом он решил покончить с собой; григорьев откидывается в кресле, он выглядит довольным и не скрывает улыбку...

...приходится уточнить у насти, не перепутала ли она количество нулей, но она настаивает, что именно столько; привыкай, – говорит настя, смеясь, – такой теперь наш уровень...

...в больничном коридоре то ли холодно, то ли меня трясет от адреналина, а чего трястись, рядовая ситуация, каждый день десятки таких операций проводят, чего ты боишься, дурачок, но все равно же крутишь в голове, кру-

тишь, придумываешь сценарии, один другого страшнее, а зачем, спрашивается, но тут подходит медсестра: – все хорошо, мальчик, три семьсот, пятьдесят два сантиметра, мамочка тоже в порядке...

...не нервничай, – говорит Настя, – мы же так долго к этому стремились, глупо отказываться от такого заказа; она права, конечно, но это не ей предстоит ковыряться в воспоминаниях крайне неприятных личностей, имеющих доступ к самым страшным государственным секретам...

...вера уверена, что мы можем себе позволить выбирать школу не из тех, что поближе к дому, а из тех, которые лучше; в конце концов, у нас достаточно денег, чтобы несколько раз в день воспользоваться Т-кабиной, – напоминает она...

...уходить нужно на пике, но Настя не хочет и слышать: – я еще слишком молода, чтобы бездельничать на пенсии; я предлагаю ей напрямь фантазию и организовать себе досуг, а потом признаюсь, что мы с верой уже прикупили жилой модуль в новом комплексе на Титане...

(С этой тропкой все понятно, посмотрим, что с другими)

...по лицу Григорьева сразу понятно, что мои утверждения и выводы ему совершенно не понравились; здесь нет ошибки? – уточняет он, а мне остается только развести руками, потому что я ничего не придумал; я проделал большую работу, не ограничился рамками контракта и ожидаю с вашей стороны взаимной любезности, – да-да, конечно, –

говорит он, но, кажется, теперь он думает, что делать со мной; придется вам подписать еще один документ о неразглашении, – предупреждает он, но этим григорьев не удивил...

...что-что, а скандалить вера умеет, с чувством, с толком, с расстановкой; мне хочется снова сбежать, потому что у меня уже нет сил доказывать ей, что я не специально оставил ее на луне, что вообще-то я работаю на наше с ней будущее, чтобы у нее впредь была возможность отдыхать, где ее душенька пожелает, но сейчас ее душенька явно желает лишь отвести душу и хорошенько поорать...

...настя любит повторять, что лучший способ борьбы с меланхолией – это работа, но и с работой напряги; не знаю, в чем дело, – говорит настя, – как будто нас кто-то сглазил; у меня есть подозрения, кто бы это мог нас сглазить и почему, но свои подозрения предпочитаю держать при себе, потому что внутри себя боюсь, что тогда и настя от меня сбежит...

...не припомню, когда последний раз было такое тяжелое похмелье; сколько же я выпил? и, вообще, что я пил? и с кем?..

Она терпеливо ждет, пока я решу, что делать дальше.

– Но есть ведь и другие варианты, верно?

– Есть. Это вселенная – вариантов великое множество.

– Но ты выбрала для меня именно эти...

– Они ничем не хуже и не лучше остальных, – говорит она без выражения.

– Ты уже знаешь, какое решение я приму?

– А ты сам знаешь? – ставит она меня в тупик.

Я решаю, что лучше сменить тему.

– Ты знала, что Левицкий дал тебе прозвище в честь своей бывшей жены?

Она отвечает не сразу.

– Он всегда был не лишен сентиментальности.

– Он называл тебя Ириской.

– Но это конфета.

– Да, конфета. Думаю, это была такая игра слов, созвучие с Иришкой.

– Мне больше нравится имя Цюй Пэн.

Что за вздор, думаю я, к чему эта китайщина.

– Я так и не понял: кто же послал «жучка», который я нашел?

– Тут все просто, – отвечает она. – Его отправит начальник службы безопасности, чтобы убедиться в правдивости твоего отчета. Но его попытка ни к чему не приведет, ведь ты уже забрал «жучок», а Степченко его уничтожил.

– Выходит, я уже принял решение.

Впервые она никак не реагирует на мои слова.

На прощание Михаил Юрьевич крепко пожимает мне руку, уверяя, что они, – следует быстрый красноречивый

взгляд в потолок, – благодарят за оперативно проведенную работу, но личную встречу не позволяет провести насыщенный график. Также они гарантируют, что от их лица мне будут даны самые лестные рекомендации.

Я киваю, слушая эти дежурные слова, и думаю только о том, как же я устал за эти дни, и как же мне необходим отдых. Еще, как назло, на ближайшие рейсы до Луны нет ни одного свободного места, все раскупили...

По пути домой, в такси, я думаю, что сделаю первым делом: позвоню Вере или завалюсь в ванную. Выбор кажется не таким очевидным.

Открыв входную дверь, я сразу понимаю, что дома кто-то есть. И тут в прихожую выходит Вера. Я и сам не ожидал, как обрадуюсь, увидев ее. Я обнимаю жену, отрываю от пола, даже кружусь, как какой-нибудь герой романтической комедии.

– Господи, Верка, как же я рад тебя видеть! Как ты тут вообще оказалась?

– Что значит как? – отстраняется она. – Ты же сам передал через свою сотрудницу, чтобы я возвращалась. И билет купил.

– Какую сотрудницу?

– Так это тебе лучше знать, через какую. Я ее впервые услышала. Еще удивилась, чего это вы с Настей китайнку наняли.

– Китайнку?

– Ага, она представилась. Чудное имя какое-то... Цюй Пэн, что ли...

И только теперь я вспоминаю, что так звали персонажа рассказа «Сад расходящихся тропок», создавшего рукопись-лабиринт, который отражает мультивселенную со всеми возможными цепочками развития сюжета.

Сначала меня прошибает холодной пот, я прижимаю Веру к себе, вдыхаю ее запах... Левицкий, Ириска, Степченко, Цюй Пэн... Да и черт бы с ними всеми, решаю я, ведь у меня не самый худший вариант.